

·the big book·

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Тигр стрелка Шарпа
Триумф стрелка Шарпа
Крепость стрелка Шарпа
Трафальгар стрелка Шарпа
Добыча стрелка Шарпа
Ружья стрелка Шарпа
Война стрелка Шарпа
Орел стрелка Шарпа
Золото стрелка Шарпа

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ

ОРЕЛ СТРЕЛКА ШАРПА
•
ЗОЛОТО СТРЕЛКА ШАРПА

Санкт-Петербург

ОРЕЛ
СТРЕЛКА ШАРПА

Посвящается Джуди

Каждый мужчина презирает себя за то,
что не был солдатом.

Сэмюэль Джонсон

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1809 году британская армия, как и сейчас, была разделена на полки, но большая их часть имела номера, а не названия; так, например, Бедфордширский полк назывался 14-м, а Коннаутские рейнджеры носили номер 88 и так далее.

Сами солдаты не любили цифры, но им пришлось ждать до 1881 года, когда были официально признаны названия. Я совершенно сознательно не дал Южному Эссекскому — выдуманному мной — полку никакого номера.

Основной боевой единицей был батальон. Большинство полков состояли по меньшей мере из двух батальонов, однако в состав некоторых, вроде Южного Эссекского, входил только один. Поэтому в «Орле стрелка Шарпа» эти два слова часто заменяют друг друга, если речь идет о Южном Эссекском. На бумаге в батальоне обычно числилось около тысячи человек, но болезни и потери, плюс недостаточное пополнение часто приводили к тому, что батальоны отправлялись в бой, насчитывая всего пятьсот или шестьсот солдат.

Батальоны делились на десять рот. Две из них, легкой пехоты и гренадерская, считались элитными; в частности, роты легкой пехоты действовали настолько эффективно, что создавались целые полки, состоящие из таких рот, как, например, 95-й стрелковый.

Батальоном обычно командовали подполковник, два майора, десять капитанов, лейтенанты и прапорщики. Никто из этих офицеров не проходил специальной подготовки; она

являлась привилегией офицеров инженерных и артиллерийских войск. Примерно один офицер из десяти получал повышение. Обычно продвижение по службе происходило по старшинству, а не в соответствии с достоинствами офицера, но человек богатый — при условии, что он отслужил в своем звании определенный срок, — мог купить очередное звание и таким образом ускорить для себя получение следующего чина. Подобная система могла бы привести к весьма несправедливым продвижениям по службе, однако не следует забывать: если бы ее не существовало, самый удачливый военный, сэр Артур Уэлсли, позднее герцог Веллингтон, ни за что бы не смог так быстро получить столь высокий чин и не создал бы самую блестящую армию, какой когда-либо обладала Англия; армию, в которой Ричард Шарп сражался с французами в Португалии, Испании, а затем и Франции в 1808–1814 годах.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Пушки было слышно издалека, задолго до того, как они показались на окраинах города. Дети цеплялись за юбки матерей, пытаясь понять, откуда берутся эти страшные звуки. Стук лошадиных копыт, звон упряжи, громохание мелькающих колес по разбитым мостовым перекрывали гул многих тонн меди, железа и дерева. И вот они появились — всадники на могучих конях, орудия и артиллеристы, такие же бравые, как и покрытые пороховой гарью массивные дула. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять — они пришли с севера, где солдаты переправляли тяжелые орудия через разлившиеся реки, а потом тащили вверх по раскисшим от бесконечного дождя склонам холмов, дабы враг был разбит.

Матери поднимали маленьких детей повыше, показывали на орудия, с гордостью объясняли: храбрые британские воины заставят Наполеона пожалеть, что он не остался пасти свиней на Корсике, — ведь на большее он не способен.

А кавалерия! Португальцы ликовали, завидев гарцующих коней и всадников в великолепной форме. Изогнутые, сверкающие на солнце клинки вынуты из ножен специально для того, чтобы произвести впечатление на жителей Абрантиша, высыпавших на улицы и площади города: пыль, летящая из-под копыт, — совсем небольшая цена за великолепное, невиданное зрелище. Горожане не уставали повторять друг другу, что эти brave парни погонят французов через Пиренеи, назад на парижские помойки. Разве сможет кто-нибудь оказать достойное сопротивление такой армии? Британские солдаты прибывали сюда с севера и юга, из портов западного побережья; чеканя шаг, маршировали на восток по дорогам, ведущим к испанской границе, туда, где их ждал враг. Португалия станет свободной, Испания вновь обретет гордость, Франция будет унижена, а бесстрашные воины вернуться в свои кабачки и пивные, навсегда покинув Абрантиш и Лиссабон, Коимбру и Порту.

Впрочем, сами британские воины не были в этом так уверены. Конечно, Северная армия маршала Сульта разбита, но, шагая в сгущающихся южных сумерках, они раздумывали о том, что ждет их за Каштелу-Бранку, последним португальским городом перед испанской границей. Скоро они снова встретятся с солдатами в голубой форме, ветеранами Йенского и Аустерлицкого сражений, героями европейских кампаний, французскими полками, обратившими в бегство лучшие армии мира. Горожане приходили в восторг при виде кавалерии и артиллерии, однако специалисту сразу становилось ясно, что войска, собирающиеся вокруг Абрантиша, плачевно малочисленны, а французская армия на востоке — пугающе велика. Британская армия, вызвавшая благоговение у детишек Абрантиша, не произведет столь сильного впечатления на французских маршалов.

Лейтенант Ричард Шарп дожидался новых приказов в месте расквартирования своей роты на окраине города и наблюдал за тем, как кавалерия, оставив зрителей позади, вложила

в ножны сабли. Потом он решил заняться грязными бинтами, которыми была перевязана рана у него на бедре.

Когда последние несколько дюймов бинта наконец были оторваны, на пол шлепнулась парочка червей. Сержант Харпер наклонился, чтобы поднять их, а затем взглянул на рану.

— Все зажило, сэр. Просто отлично.

Шарп только проворчал что-то неразборчивое. Сабельная рана превратилась в девятидюймовый шрам, чистый и розовый на фоне более темной кожи. Он поднял последнего толстого червяка и протянул Харперу, чтобы тот его спрятал.

— Ах ты мой красавчик, какой упитанный! — Сержант Харпер закрыл коробочку и посмотрел на Шарпа. — Вам повезло, сэр.

«А ведь он совершенно прав», — подумал Шарп. Французский егерь чуть не убил лейтенанта, клинок уже опускался, когда пуля из ружья Харпера вышибла француза из седла, а его злобная гримаса мгновенно превратилась в маску боли. Шарп отклонился назад, пытаясь избежать удара, направленного прямо в шею, и сабля угодила в бедро, оставив еще один шрам, как память о шестнадцатилетней службе в британской армии.

Рана не была глубокой, но Шарп не раз видел, как солдаты умирали от куда менее серьезных, став жертвой заражения крови, когда нога или рука начинали гнить и отвратительно вонять, а доктора были бессильны что-либо сделать; их пациенты медленно умирали в грязных хижинах, которые назывались госпиталями. Горсть червей могла принести пользы больше, чем любой армейский костоправ: черви поедали пораженные ткани, и рана затягивалась быстрее.

Шарп встал и наступил на раненую ногу.

— Спасибо, сержант. Совсем как новенькая.

— Я очень рад, сэр.

Шарп надел кавалерийские рейтузы, которые носил вместо форменных зеленых брюк 95-го стрелкового полка. Он гордился зелеными рейтузами с черными кожаными встав-

ками, снятыми с убитого прошлой зимой полковника наполеоновской императорской гвардии. Наружная часть каждой штанины была украшена двадцатью серебряными пуговицами, которые пошли в уплату за еду и выпивку, когда небольшой отряд стрелков Шарпа отступал на юг через галисийские снега. С полковником ему повезло; в обеих армиях было совсем немного таких высоких людей, как Шарп, рейтузы сидели отлично, а мягкие, удобные сапоги из черной кожи, казалось, были сшиты на заказ под английского лейтенанта.

Патрик Харпер не мог похвастаться таким же везением. Сержант был выше Шарпа на добрых четыре дюйма. Огромному ирландцу никак не удавалось найти подходящие штаны, чтобы заменить старые, выцветшие, многократно заштопанные форменные брюки, которые гораздо больше сгодились бы для огородного пугала.

«Вся рота выглядит одинаково, — подумал Шарп. — Форма в дырах, а сапоги в буквальном смысле подвязаны обрывками кожи». И до тех пор, пока основной батальон остается дома, в Англии, вряд ли удастся найти интенданта, готового взять на себя ответственность и выдать им новую форму или сапоги.

Сержант Харпер протянул Шарпу форменный мундир:

— Хотите принять венгерскую ванну, сэръ?

Шарп покачал головой:

— Пока еще терпимо.

В мундире было не так уж много вшей, и Шарпу не хотелось подвергать его окуриванию специальным дымом, после чего он как минимум несколько дней будет отвратительно вонять. Темно-зеленый мундир 95-го стрелкового полка, знак принадлежности к элитным войскам, был таким же поношенным, как и у остальных солдат роты, но лейтенант ни за что не расстался бы с ним. Британская пехота носила красные мундиры, а ее лучшие, отборные части с гордостью одевались в зеленое, и даже после трехлетней службы в 95-м полку Шарп все еще гордился своей формой. Мундир, содер-

жимое заплечного ранца и карманов — вот и все имущество Ричарда Шарпа, не знавшего другого дома и семьи, кроме полка, в котором служил. Он не ведал иной жизни и был уверен, что умрет на поле брани.

Вокруг талии лейтенант повязал красный офицерский шарф, а поверх надел черный кожаный ремень с застежкой в виде серебряной змейки. После года, проведенного на полуострове, только этот шарф и палаш указывали на его офицерский чин; впрочем, палаш, как и рейтузы, не соответствовал предписанным правилам. Офицеры-стрелки и легкие пехотинцы должны были иметь кривые кавалерийские сабли, но Шарп терпеть не мог этот вид оружия. Он предпочитал длинный, прямой клинок, какими пользовались в тяжелой кавалерии. Опасное оружие, плохо сбалансированное и грубое, но Шарпу нравилось ощущать в руке яростный клинок, который мог с легкостью противостоять изящным саблям французских офицеров и выбить из рук солдата мушкет или штык.

У Шарпа было и другое оружие. Вот уже десять лет он сражался вместе с солдатами в красных мундирах, сначала как рядовой, потом сержантом и достойно пронес свой мушкет по равнинам Индии. Он стоял в ряду стрелков, шел в атаку с примкнутым штыком и до сих пор предпочитал воевать с ружьем в руках. Больше всего Шарп любил винтовку Бейкера, она сразу выделяла его среди других офицеров. Шестнадцатилетние прапорщики в ярких новеньких мундирах опасливо поглядывали на высокого черноволосого лейтенанта с перекинутым через плечо штуцером и шрамом на лице, который, когда Шарп не улыбался, придавал ему выражение мрачной насмешливости. Кое-кто мог усомниться, что рассказы о Серингапатаме и Ассайе, о Вимейро и Люго правдивы, но одного взгляда насмешливых глаз обычно хватало, чтобы рассеять любые сомнения. Мало кто из вновь прибывших офицеров задумывался о том, что на самом деле означало это ружье, никто из них не знал, в каком суровом сра-

жении Шарп, начинавший свою карьеру простым стрелком, одержал победу.

Сержант Харпер выглянул в окно, что выходило на площадь, залитую полуденным солнцем:

— Вон идет счастливчик, сэр.

— Капитан Хоган!

Харпер не обратил внимания на замечание. Они с Шарпом уже давно были вместе, пережили много опасностей, и сержант прекрасно знал, какие вольности может позволить себе в присутствии сурового офицера.

— Он кажется еще более веселым, чем обычно, сэр. Наверное, есть для нас работенка.

— Я молю Небеса, чтобы нас послали домой.

Харпер, чьи огромные руки уверенно и аккуратно разбирали замок ружья, сделал вид, будто не расслышал последних слов. Он знал, что имел в виду лейтенант, но говорить на эту тему было опасно. Шарп командовал остатками стрелковой роты, которая прошлой зимой оказалась отсеченной от арьергарда армии сэра Джона Мура во время отступления к Корунье. В ту страшную зимнюю кампанию на севере Испании, когда погода стояла такая, что невольно вспоминались рассказы о России. Солдаты умирали ночью, во сне, их волосы примерзали к земле, другие, обессиленные, погибали на глазах у товарищей. Дисциплина в армии упала, и пьяные английские солдаты становились легкой добычей для французской кавалерии, которая, подстегивая выбивающихся из сил лошадей, преследовала британцев по пятам. Весь этот сброд спасли от верной гибели несколько полков вроде 95-го, сохранивших дисциплину и продолжавших сражаться.

Закончился 1808 год, наступил 1809-й, а кошмарная битва продолжалась — битва, в которой плохо соображающие от постоянного холода солдаты зарывались в снег, старались не пропустить приближения французских драгун и стреляли отсыревшим порохом. Однажды, когда вьюга выла, словно разъяренное чудовище, рота Шарпа оказалась отрезанной

кавалерией французов. Погиб капитан, потом лейтенант, ружья ни за что не хотели стрелять, вражеские сабли поднимались и опускались, влажный снег заглушал все звуки, кроме воинственных воплей драгун и страшного свиста сабель, входящих в тело, а над кровавыми ранами стелился пар. Лейтенанту Шарпу и еще несколькими солдатам удалось уйти в горы, где их не могли догнать всадники, но когда буря закончилась и погиб последний смертельно раненный солдат, надежды на воссоединение с армией не осталось. Второй батальон стрелков 95-го стрелкового полка отплыл домой, в то время как Шарп и его тридцать солдат, затерянные в Испании и всеми забытые, шли на юг, подальше от французов, в надежде присоединиться к небольшому британскому гарнизону в Лиссабоне.

С тех пор Шарп не раз просил, чтобы их отослали домой, но стрелков было мало, они высоко ценились, а новый командующий армией, сэр Артур Уэлсли, не хотел расставаться даже и с таким небольшим отрядом. Поэтому они остались, влились в тот батальон, который в данный момент нуждался в подкреплении, снова отправились на север, по своим собственным следам, и вместе с Уэлсли отомстили за сэра Джона Мура, изгнав маршала Сульта и его бывалых солдат из северной Португалии.

Харпер знал, что душу его командира переполняет ярость из-за того, в какое положение они попали; Ричард Шарп был беден как церковная крыса, ему никогда не наскрести достаточно денег для приобретения следующего чина. Чтобы стать капитаном, даже в обычном батальоне, Шарпу пришлось бы заплатить полторы тысячи фунтов — он скорее мог рассчитывать воссесть на трон Франции, чем собрать такую сумму. У него была только одна надежда на продвижение — по старшинству в своем собственном полку: заменить офицера, который погиб или получил повышение и чей собственный чин тоже не был куплен. Пока Шарп оставался в Португалии, а родной полк находился дома в Англии, о нем забывали, его